

ЛАБИРИНТЫ

ВРЕМЕНИ

АНТОЛОГИЯ
РУССКОЙ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ
ИСТОРИИ

Москва
«Снежный Ком»
2019

УДК 82-32
ББК 84(Рос-Рус)6
Л12

Составитель *Дмитрий Володихин*
Серийное оформление *Эрик Брегис*
Иллюстрация на обложке
Юлия Голуб

- Л12 Лабиринты времени. Антология русской альтернативной истории. / Сост. Дмитрий Володихин. — М. : «Снежный Ком М», 2019. — 160 с.
ISBN 978-5-6041334-8-4

Кто-то представляет себе время в виде прямой линии, устремленной из прошлого в будущее. Кто-то — в виде реки, ветвящейся и петливой. Но в действительности это бесконечный каскад лабиринтов, и только счастливицы точно помнят, что было в предыдущем лабиринте, и только мудрецы прозревают, что произойдет в будущем... потому что прошлое и будущее могут варьировать в широком диапазоне.

УДК 82-32
ББК 84(Рос-Рус)6

ISBN 978-5-6041334-8-4

© Бор А., Володихин Д., Прососов И.,
Елисеев Г., Калашников В., 2019
© Оформление Юлия Голуб, 2019
© «Снежный Ком М»
(ИП Штепин Д. В.), 2019

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

1

Азбьяк не торопился с решением, но Юрий не мог больше ждать. Он понимал, что нрав великого хана переменчив, как ветер в степи. Но московский князь давно знал хана, а год назад он проявил свою высшую милость — выдал за него сестру. Поэтому Юрий не только умел улавливать желания хозяина Великой Орды, но и чувствовал, когда можно промолвить нужное слово, которое склонит Азбьяка к верному — по мнению самого Юрия — решению.

Вот и сейчас, войдя в ханский шатер и бросив осторожный взгляд на угрюмого Азбьяка, который быстро перебирал четки, Юрий понял, что тот совсем не против, чтобы жизнь князя Михаила оборвалась — но хочет все обставить так, чтобы это не выглядело его решением.

Юрий подавил вздох, и, подойдя к помосту, на котором стоял ханский престол, низко поклонился, прижав правую руку к сердцу.

Затем выпрямился, но продолжил стоять, чуть наклонив голову — великий хан не любил, когда вассалы смотрели на него прямым взглядом.

Хан долго молчал, перебирая четки. И великий князь не мог нарушить это давящее молчание — он должен был ждать, когда заговорит Азбьяк.

— Ты мой гурган, — наконец проронил хан, и Юрий понял, что тот сразу решил перейти к главному.

Гурган — почетный титул, так татары именовали тех князей покоренных ими земель, которые становились зятьями татарских ханов.

Юрий был женат на Кончаке, дочери хана Тогрула и сестре Азбьяка. Став русской княгиней, та сразу крестилась по

православному обряду и взяла имя Агафья — татары очень часто принимали веру покоренных ими земель. Сам великий Бату-хан, когда вел своих нукеров к Последнему морю, принял христианскую веру. А потом, вернувшись из похода в родной Джучин улус, перешел в магометанство и велел строить мечети.

Юрий не очень понимал, как можно поменять христианскую веру на басурманскую, но не ему судить татарских ханов. Тем более что они не притесняли христиан и даже выдали специальный джерлик, по которому православные священники освобождались от всех податей.

...Агафья умерла в Твери в начале января. Хотя князь Михаил, когда взял её в плен после битвы у Бортенева — она случилась ровно год назад, на границе тверских и московских земель, — клятвенно обещал Юрию, что с его женой ничего не случится, что она будет гостьей тверского князя, пока они не решат споры, которые сделали их лютыми врагами.

Но Агафья умерла, и в Твери шептали, что её отравили.

— Ты мой гурган, — повторил Азбьяк. — Но это не значит, что в твоих жилах течет кровь великого Чингиса.

Юрий снова ничего не ответил. Но спина похолодела, а сердце испуганно заколотилось в груди.

После смерти Агафьи Азбьяк отобрал у Михаила джерлик на великое княжение Владимирское и отдал его Юрию. А самого Михаила вызвал в Мохши, в личный шатер.

После разговора с ханом Михаила отправили в темницу, где он уже провел половину года, закованный в колодки, но Азбьяк всё никак не мог решить, казнить ему тверского князя или помиловать. Возможно, великий хан сомневался, что Михаил виновен в смерти его сестры, и эти сомнения очень не нравились московскому князю. Юрий боялся, что великий хан может поверить Михаилу и простить его, и тогда в колодках окажется сам Юрий. А он не хотел томиться в татарской неволе, ожидая смерти — он уже успел почувствовать себя великим князем, и не желал никому уступать этот титул. Тем более, он очень хорошо знал, что не имел никаких наследственных прав именоваться великим

князем, потому как был младшим в роде Рюрика. А Михаил — старшим, и титул великого князя мог носить по праву. Но татары, которые покорили Русь, решили иначе, и князь Юрий был очень благодарен великому хану, и был готов сделать всё, что тот от него потребует.

Но хан пока не требовал самого главного — принести ему голову князя Михаила.

Который, конечно же, не был виноват в смерти Агафьи. И не знал, что она умерла отнюдь не случайно. Юрию как никому другому была ведома истинная причина смерти жены... Кроме него, правду знал еще один человек. Но он ничего не сможет никому рассказать, так как умер на следующий день. Сломал шею, оступившись на крыльце княжеского терема.

Правда, эту смерть никто не заметил — когда отходит к Богу княгиня, разве кого-то волнует холоп?

Юрий был уверен, что больше никто ничего не знал. Но у великого хана соглядатаи везде, и они наверняка могли что-то вынюхать... И если Азбьяк вдруг поймет, что в смерти его сестры виноват он, Юрий, — то суд хана будет очень скорым, и московский князь не просто умрет, а будет умирать очень долго...

Юрий был воином, и не боялся смерти — но сейчас, достигнув высшей власти, он очень хотел жить...

— В твоих жилах не течет кровь великого Чингиса, — продолжил после недолгого молчания Азбьяк. — Но ты был женат на женщине, в жилах которой текла его кровь. Ты — гурган!

Азбьяк встал, положил ладонь на плечо князя.

Рука была тяжелой, и Юрий понял, что должен опуститься на колени.

Он увидел шелковую туфлю хана.

И понял, что от него нужно...

— Ты можешь встать, — велел хан.

Юрий поднялся, и, склонив голову перед Азбьяком, стал ждать.

Князь был уверен, что хан принял решение, которого он так долго ждал.

Он по-прежнему смотрел в пол и видел пыльные туфли, которые только что лобызал. И сильные пальцы хана, которые быстро перебирали четки.

Наконец Азбьяк сказал:

— Ты волен сделать то, что считаешь нужным!

2

Факел, дрожавший в руке Юрия, почти не рассеивал вязкий мрак, но позволял разглядеть того, кто лежал перед ним на холодном земляном полу, закованный в колодки.

Одежды Михаила были порваны, щеку рассекал засохший шрам. На руках и ногах — кровоточащие раны. Но в измученном взгляде — боль вперемешку с вызовом.

Юрий отвел взгляд — он снова понял, что Михаил готов умереть, но не покориться.

— Ты пришел убить меня? — спокойно спросил тверской князь.

Юрий молчал. Его взгляд перебежал со спутанных волосы Михаила на грязную бороду, потом остановился на свежей ране на плече, из которой текла кровь.

Юрий отвел в сторону факел — теперь он освещал не пленника, а стены темницы, в которую тот был заточен.

В правом углу стояла икона Спасителя — Михаилу никто не запрещал молиться, к нему мог приходиться его духовник, чтобы принимать исповедь.

Юрий перекрестился на икону. И в неверном свете факела князю показалось, что Спаситель смотрит на него с осуждением.

Юрий отвернулся от иконы.

— Ты убил мою жену.

Михаил молчал. Юрий не видел его лица, но ему показалось, что губы пленника скривились в усмешке.

— Ты убил мою жену! — громко повторил Юрий, и положил правую руку на рукоять меча.

Михаил молчал, но это молчание было выразительнее любых слов.

Юрий понял, что пора заканчивать. Но боялся вытянуть меч из ножен — он чувствовал взгляд Спасителя, который внимательно следил за ним. И Юрий вдруг с ужасом понял, что когда придет время предстать перед Господом, ему будет трудно оправдаться перед Ним за эту смерть.

Юрий убрал руку с меча.

— Такова воля великого хана! — громко сказал он.

И было неясно, к кому он обращал эти слова — к пленнику или Спасителю.

Затушив факел, Юрий быстро вышел из темницы.

Столкнулся с Кавгадыем, который стоял у входа. Увидел его узкие глаза и презрительную ухмылку — и, ничего не сказав, быстро пошел дальше.

Он не хотел слышать, как будет умирать тверской князь.

3

Вопреки опасениям, Юрий уснул быстро и спал крепко, его не тревожили сны.

Проснулся князь от того, что кто-то его бесцеремонно расталкивал.

— Вставай, великий князь!

Открыв глаза, Юрий увидел широкое лицо склоненного над ним Кавгадыя, цепкие глаза.

К губам татарина словно намертво приклеилась зловещая ухмылка.

— Что-то случилось? — спросил Юрий.

— Вставай! — громко сказал Кавгадый. — Пошли!

Юрий не мог спорить с темником великого хана, поэтому спустя несколько мгновений был уже на ногах.

Он сразу понял, куда его приведут.

...Михаил лежал на торговой площади, на холодной земле, уже слегка припорошенный снегом — зима наступила даже в южных улусах.

Тверской князь был полностью обнажен, в груди зияла свежая рана, и Юрий понял, что татары вырезали у него сердце.

Юрий отвернулся — но сразу натолкнулся на колючий взгляд Кавгадыя. И увидел презрение в черных глазах татарского воина.

— Ты почему отворачиваешь взор, великий князь? — криво усмехнувшись, спросил татарин. — Почему не радуешься? Ты же хотел его смерти!

Юрий молчал. Он был великим князем, но этот титул даровали ему татары, и они же могли его отнять — как и жизнь. Поэтому он не имел права им противоречить. Михаил вот попробовал — и теперь лежит на мерзлой земле с вырванным сердцем.

На мгновение взгляд Юрия остановился на лице Михаила. Оно было спокойным, можно даже сказать — умиротворенным, словно это не он умер ночью лютой смертью.

Юрий вспомнил икону Спасителя, которая стояла в углу темницы — и ему показалось, что он сейчас видит не князя, а распятого Иисуса, которого сняли с креста.

Юрий зажмурился, помотал головой, чтобы отогнать навязание.

— Это ты его убил, — услышал он голос великого хана. И, так и не открывая глаз, поклонился ему.

Тяжелая рука Азбьяка опустилась на плечо великого князя.

— Почему он лежит нагой? — услышал Юрий злой шепот. — Почему ты надругался над братом? Вы же, Рюриковичи, все братья?

Юрий кивнул — глаза застилала тьма, а плечо горело, словно его сжимали не пальцы хана, а касались раскаленные щипцы палача.

— Такними с себя одеяния и прикрой тело брата! — велел хан.

4

Князь Дмитрий крепко держал в руках свиток, не решаясь развернуть. Костяшки пальцев побелели — и это наверняка не ускользнуло от взора великого хана.

Который одним движением пальца мог и уничтожить его, и возвысить...

Хан молчал, ожидая.

И князь, уняв волнение, все-таки развернул свиток — верхний его край остался в руках, а нижний коснулся земли.

Бумажный лист ровно в два аршина длиной и чуть больше пяди шириной. Черная уйгурская вязь на ярко-белой поверхности. И его имя, выделенное красным цветом. И, чтобы отпали всякие сомнения, перевод на язык русов — «Мы, Великий Хан Султан Узбеги Гийас ад-Дин Мухаммед, властью, данной нам, подтверждаем право князя Дмитрия Михайловича на Великое княжение над подвластными нам землями улуса Русь...»

Татарский джарлик, который давал Дмитрию право быть великим князем.

Он все-таки поднял глаза на Азбяка.

Великий хан был не молод — ему недавно миновал тридцать шестой год, но он был крепок телом и по-прежнему легко держался в седле.

Круглое лицо, широкие скулы, длинные усы. И глаза — узкие, колючие. Умные и жестокие одновременно. Взгляд этих желтых глаз проникал в самые глубины души, и князь Дмитрий чувствовал, что невозможно скрыть ни одной мысли от великого хана.

Он не мог вынести тяжелого взгляд Азбяка и опустил глаза. Снова увидел вязь уйгурского письма...

— Я вижу в твоих глазах огонь, — нарушил молчание великий хан. — И слышу твое сердце.

Азбяк замолчал, словно желал услышать ответ.

Но великий князь знал, что сейчас не время что-либо говорить.

Надо покорно внимать.

— Твое сердце жаждет мести, а не справедливости, — уронил тяжелые слова Азбяк.

И снова замолчал.

На этот раз надолго.

А Дмитрий стоял, сжимая в руках свиток-джарлик. Или, как говорили на Руси, ярлык. Ханская грамота, которая да-

вала право князю зваться «великим». Право, которое было у него, Дмитрия, по рождению. Как и у его отца, Михаила...

Но татары, которые пришли на Русь из далеких степей, рассудили иначе.

Они считали, что только им дано право решать — не только кому княжить, но и кому жить.

И это было неправильно. Несправедливо!

— Твой обидчик — гурган, — снова заговорил хан. — Но он обманул меня. И в его жилах не течет кровь великого Чингиса.

И снова — длительное молчание.

Великий хан был прав.

Московский князь Юрий, который обманом получил ханский джарлик, став великим князем Владимирским, почитал, что ему всё позволено. Собрав с подвластных ему земель Руси дань, которая предназначалась татарам, Юрий не сразу отправил её в Орду, а отвез в Новгород, где княжил его брат Афанасий.

Убийца князя Михаила надеялся, что новгородские купцы пустят серебро в оборот, и он положит в кошель хороший барыш.

Прознав об этом, Дмитрий сразу помчался в Орду — он надеялся, что великому хану придется не по нраву обман.

Так и случилось. Хан был вне себя от гнева. Назвал князя Юрия шакалом и отправил в Новгород грамоту, в которой было повеление немедленно явиться в Сарай-ал-Джедид, где недавно построили новый стольный град Великой Орды.

Путь из Орды до Новгорода и обратно не очень близок, и всё это время Дмитрий провел гостем великого хана. Никто не стеснял его свободы, он мог ходить по городу, который напоминал библейский Вавилон — столько в нем было разноязыких мастеров и торговцев со всех земель, и подвластных великому хану, и очень далеких, а потому свободных.

Иногда Дмитрий садился на коня, выезжал в степь и скакал вслед за солнцем — словно хотел поверить, что он на самом деле свободен...

...Когда из Новгорода явился гонец и сообщил, что Юрий отказывается явиться на суд к великому хану, Азбьяк вызвал к себе Дмитрия и вручил ему джарлик.

И вот тверской князь стоит перед суровым взором великого хана, сжимает в руках шершавый свиток, не решаясь поднять взгляд. Видит только ноги Азбьяка в войлочных туфлях, которые свисают с ложа, заменяющего ему княжеский престол.

По воле великого хана он, тверской князь Дмитрий, только что стал великим князем Владимирским, то есть старшим князем всех русских земель. И теперь он может так же, как это сделал его отец, прислать своего наместника в Новгород, и тот потребует, чтобы Юрий подчинился воле великого хана, и явился в Орду. И если Юрий по-прежнему будет противиться, великий князь попросит у великого хана войско, и Орда сама придет за тем, кто посмел ослушаться её волю.

Конечно, Дмитрий понимал, что если ордынская рать снова придет на Русь, то опять будут гореть города и умирать люди. Но у него, великого князя, нет другого пути. Он должен отомстить тому, кто оклеветал отца. А потом продолжить его дело — объединить Русь, которую разоряют не только набег ордынцев, но и междоусобицы удельных князей.

Дмитрию недавно миновал двадцать третий год, но он давно не считал себя юным — в двенадцать уже командовал тверской княжеской дружиной, поэтому понимал, что его жизни не хватит, чтобы сделать Русь снова единой. Он ненавидел татар, ненавидел великого хана, — но понимал: нужно скрывать свою ненависть, и если не быть покорным, то делать вид, что готов покориться воле Азбьяка. Ведь за ним — сила.

Сила не только Великой Орды, но всех монгольских улусов...

Монголы покорили весь мир — кроме западных земель.

Отец не раз говорил ему об этом. Рассказывал, как его дядя, великий князь Киевский и Владимирский Александр, ездил в далекий Каракорум — столицу главного из улусов. Один только путь туда длился почти полгода...

И везде на этом пути — разоренные земли, сожженные города...

Отец не помнил своего дядю — тот умер задолго до его рождения, когда в очередной раз возвращался из Орды, где был, по слухам, отравлен, — но его слова, сказанные незадолго до смерти, передавались из уст в уста по всей Руси: «Татары — это огромная сила. Никто не может с ней совладать. Но мы когда-нибудь это сделаем! Рано или поздно царство Чингиса падёт — как пали все древние царства, вплоть до Рима! Все эти царства канули в Лету, и только руины царских дворцов напоминают о них. Так что придет время, когда исчезнет и царство Чингиса! И все, кто страдает под игом татар, обретут свободу! И Русь тоже станет свободной! И единой!».

Возможно, именно за эти слова великого князя Александра и отравили в Орде.

У потомков великого Чингиса не хватило смелости его казнить...

Об этом тоже говорил Дмитрию отец, которого тоже не казнили — а подло убили. Руками удельного князя Юрия, правнука великого князя Ярослава Ярославича, которому Михаил приходился сыном...

И не важно, что сам Юрий не участвовал в убийстве отца, и даже не видел, как его убивали — он, подобно прокуратору Иудеи Понтию, умыл руки, сбежав из темницы, в которой сидел в колодках тверской князь. Но он оклеветал Михаила — поэтому виноват в его смерти. И он, Дмитрий, не успокоится, пока не отомстит за смерть отца!

И если для мести надо покориться татарам — он сделает вид, что покорен...

— Ты не гурган, — вновь подал голос Азбьяк. — Но ты мне верен. Ты вернешься в русский улус великим князем. С тобой пойдут мои нукеры, которые подчинят моей воле всех, кто пытается ей противиться...

Дмитрий молчал — но внутренне ликовал: великий хан не только прочитал его мысли, но и решил помочь их осуществить!

Великий князь услышал шуршание одежд хана — тот встал с ложа.

Дмитрий остался на месте, он по-прежнему не поднимал глаз.

— Посмотри на меня, — приказал великий хан.

Дмитрий поднял взгляд.

Азбьяк стоял на возвышении, его лицо было спокойным, но в желтых тигриных глазах чувствовалась сила.

Дмитрий понимал, что не надо пристально смотреть в глаза татарина, тот может проникнуть в его сокровенные мысли, и чем это может грозить — одной степи известно...

Но великий князь уже не мог отвести глаз.

А великий хан — тем более.

Азбьяк сошел на земляной пол, быстрым шагом приблизился к князю. Стиснул его плечо могучей ладонью, словно хотел сломать.

Ни один мускул не дрогнул на лице Дмитрия — князь с детских лет умел терпеть боль.

— Принеси мне голову того, кто меня обманул, — прошептал хан. Его тигриные глаза пылали адским огнем. — И тогда ты сможешь от моего имени карать и миловать, великий князь!

Рука хана отпустила плечо князя — оно горело, словно туда вонзился меч. И князь чувствовал, что там сейчас рана, которую надо немедленно перевязать, иначе истеешь кровью...

Но он не мог покинуть шатер хана, пока тот его не отпустил. И, стараясь не скривиться от жуткой боли, великий князь, по-прежнему глядя в хищные глаза татарского тигра, громко сказал:

— Я всецело в твоей власти, великий хан Великой Орды! Я принесу тебе голову твоего врага!

Огонь в желтый глазах Азбьяка разгорелся еще ярче, на губах появилась кривая, как татарская сабля, усмешка.

Но он ничего не сказал, лишь небрежным движением толстых пальцев указал, что князь может идти.

5

— Я отомстил за тебя, отец!

Дмитрий стоял на высоком холме, дым от пожаров ел глаза, но князь не спешил уйти. Москва догорала, татары рыскали среди обгорелых руин, добывая раненых дружинников князя Юрия.

Дмитрий нахмурил брови — воины, которых татары яростно рубили кривыми саблями, были русскими людьми. Но они служили московскому князю, виновному в смерти отца...

— Этот холм зарастет травой, и на нем более никогда не поселятся люди, — громко сказал Дмитрий. — Я так решил!

И обратил взор к серому осеннему небу.

— Господи, прости меня, грешного...

Небо молчало, но Дмитрий и не ждал от него ответа. Он верил, что Бог всё видит и знает. И когда придет время предстать перед судом Всевышнего, Дмитрий сможет оправдаться перед Ним...

Дмитрий спустился с холма к реке Москве, прошел мимо своей дружины, ловя хмурые взгляды воинов. Им тоже не пришлось по нраву бесчинства татар, но они верили великому князю и готовы были идти с ним до конца...

Миновав дружинников, великий князь направился к отряду татар, который расположился чуть поодаль. Татары тоже косились на русичей, с которыми только что вместе лезли на деревянные стены московского Крома, рубили защитников города и просто горожан, которые вышли на стены, чтобы защитить свой город.

Великий князь снова посмотрел на дымящийся холм. И не сдержал горького вздоха. Он понимал, что правда на его стороне — но ради этой правды пришлось убивать руками татар русских людей и сжигать русский город.

Но у него, великого князя, не было другого выхода. Он ненавидел татар, но использовал их в своей борьбе, потому что они — сила.

И эта сила должна помочь ему добиться цели — объединить Русь!

Русь снова должна стать единой и сильной — как во времена мудрого князя Ярослава, когда в Киев приезжали европейские короли, чтобы породниться с великим князем.

Придет время, и европейские короли будут приезжать в Тверь — когда русские земли объединятся под властью дома тверских князей рода Рюрика!

Так говорил и писал духовник отца, игумен Тверского Отроча монастыря Александр. Не просто монах, служитель Господа, но и мудрый книжник...

«Когда вернусь в Тверь, приду к нему на исповедь», — решил Дмитрий.

И, еще раз бросив взгляд на сожженную Москву, направился к Юрию — он сидел на песке, связанный по рукам и ногам. Голова опущена, в спутанных волосах запеклась кровь.

Над князем стояли два дюжих татарина, в руках — кривые сабли, еще красные от русской крови.

Дмитрий нахмурился и быстро повернулся к Юрию.

— Посмотри на меня!

Московский князь поднял измученный взгляд.

И на короткое мгновение Дмитрию стало жаль его — своего младшего брата из рода Рюрика.

Хотя по годам Юрий был его старше почти в два раза. Ровесник отца...

Дмитрий нахмурился — да, они оба принадлежали к одному роду, и должны были стоять плечом к плечу, сражаясь с общими врагами. Но сами стали врагами друг другу...

— Ты убьешь меня? — спросил Юрий.

Похоже, он все-таки боялся смерти — его голос дрожал, а глаза бегали.

Дмитрий, не в силах сдержать себя, схватил Юрия за волосы, обнажил меч...

Татары, что стояли рядом, не шелохнулись. Только тот, который был постарше, скривил губы в презрительной усмешке.

И эта ухмылка была адресована не Юрию — а ему, Дмитрию!

Простой татарский воин презирал великого князя — за то, что тот готов убить своего русского брата.

Дмитрий сумел подавить гнев. Он выпустил волосы Юрия, спрятал меч в ножны. И спокойно сказал:

— Я долго гонялся за тобой, чтобы выполнить обещание, данное великому хану. Азбяк велел принести ему твою голову. Но, думаю, будет лучше, если ты сам предстанешь перед его судом!

Юрий поднял взгляд на великого князя.

— Лучше убей меня сам, — сказал он. — Разве ты не знаешь, что сделает со мной Азбяк?

— Когда узнает, что ты виноват в смерти его сестры? — Дмитрий сверкнул глазами.

Юрий похолодел: не зря говорят, что всё тайное когда-то становится явным! Дмитрий как-то прознал, отчего умерла Агафья. И теперь об этом узнает Азбяк...

— Убей меня сам, брат! Но не отдавай хану...

— Ты виноват в смерти моего отца, — громко сказал князь. Татары, которые стояли рядом, наверняка понимали русский, и великий князь понимал, что должен взвешивать каждое слово. Но он не мог сдерживать чувств перед поверженным врагом. — Ты оклеветал его перед ханом, чтобы заслужить его доверие. Но потом ты предал великого хана. Обманул его. Разве ты не знал, что великий хан такого не прощает? Я надеюсь, он не подарит тебе медленную смерть...

— Так ты просто мстишь мне! — крикнул Юрий, пытаясь вскочить на ноги.

Но один из татар тут же схватил его за плечо и повалил на песок.

Дмитрий нахмурился. Но только московский князь видел огонь, который вспыхнул в его глазах.

— Ты привел на Русь татар, — крикнул Юрий. Он ворочался на земле, пытаясь сесть, но путы на руках и ногах мешали. — Они разорили мою вотчину, пожгли русские города, угнали в полон русских мужчин и надругались над русски-

ми женщинами... зачем ты это сделал, великий князь? Только для того, чтобы отомстить мне?

— Замолчи! — крикнул Дмитрий.

Его глаза снова гневно блеснули, рука легла на рукоять меча.

Но он не стал выхватывать меч из ножен — потому что Юрий был прав. Он сказал то, о чем не раз напоминала Дмитрию больная совесть, пока татарская рать шла по Руси. Но великий князь раз за разом гнал от себя эти мысли, старался не думать о том, что им движет исключительно месть.

Но он знал — это была именно месть! Он хотел отомстить Юрию за смерть отца...

И сумел сделать так, что татары помогли ему отомстить...

И в этом он, Дмитрий, мало чем отличался от Юрия, который привел на Русь рать Кавгадыя, и только князь Михаил сумел остановить новое нашествие Орды.

Но все русские князья так или иначе обращались к татарам...

Поэтому Дмитрий находил себе оправдание в том, что поступает так не ради собственной власти, а исключительно для того, чтобы покончить с княжескими междоусобицами, которые разоряют Русь не меньше, чем набеги татар. Он, великий князь Дмитрий Михайлович, хочет того же, чего желал его отец, великий князь Михаил Ярославич — объединить Русь и скинуть татарское ярмо!

Но для этого нужно было убедить татар, что он покорен их воле. Убедить хана, что только он, Дмитрий, ему верен, а остальные князья не желают ему подчиняться.

Так нужно — во имя будущей свободы русской земли!

И он завещает так поступать своему сыну, который тоже станет великим князем — Дмитрий сделает всё, чтобы тот получил ордынский ярлык. Великокняжеский титул не должен уйти из тверского дома рода Рюрика!

Но уже если не сын сына, то его внук станет великим князем не по воле Орды, а по праву рождения. Так будет. Так должно быть. Рано или поздно чужеземное иго будет свергнуто!

Дмитрий обвел взглядом татарских воинов. Вспомнил, как зовут старшего, который снова чуть усмехнулся — Чугрым.

Татарский сотник. Сильный, бесстрашный, он всегда первым бросался в битву, словно не боялся смерти. Первым залез и на стены объятай огнем Москвы...

— Я выполнил волю великого хана, — громко сказал Дмитрий, глядя в глаза Чугрыму. — Вы доставите пленника великому хану?

Чугрым чуть кивнул. Он не хотел снисходить до разговора с русским князем, за которым великий хан велел вести наблюдение днем и ночью.

Юрий побледнел, прошептал:

— Пощади меня, брат! Убей сам недостойного брата своего, но не отдавай на суд татарам...

— Ты мне не брат! — спокойно ответил Дмитрий, хотя в его глазах пылал огонь.

Великий князь уже получил прозвище Грозные Очи, и все враги трепетали от одного его взгляда.

— Великий князь! Пощади! Будь милосердным...

Дмитрий ничего не ответил — он быстрым шагом направился к своей дружине.

Но, пройдя треть пути, все-таки остановился. Оглянулся. Увидел грязное лицо князя Юрия, его спутанные волосы, испуганные глаза. И усмехнулся, поняв, как тот сейчас жаждет в своем желании жить.

— Не я обманул великого хана, — громко сказал он, чтобы его слова все слышали — и русские, и татары. — Пусть он решает, жить тебе или умереть...

И, отвернувшись, снова быстро пошел к дружине.

И неожиданно ему в голову пришла мысль: а ведь если бы он, Дмитрий, оступился — Юрий поступил бы с ним точно так же! Тоже отдал бы татарам на расправу. И даже если бы Дмитрий не был ни в чем виновен — останься у Юрия ханский ярлык, московский князь нашел бы способ расправиться с ним, если бы тот встал у него на пути! Юрий радел о Москве точно также, как Дмитрий — о Твери. Оба хоте-

ли возвыситься над другими князьями, и сделать стольные грады своих княжеств сердцем единой Руси.

«Мы с ним одинаковы, — подумал Дмитрий. — И наши деяния, наши поступки, схожи. Потому что мы — братья, из рода Рюрика. И цель у нас одна, и идем мы в одну сторону, и похожими путями».

Дмитрий остановился, сжал рукоять меча. Великому князю хотелось оглянуться, чтобы в последний раз увидеть своего врага и брата.

Но он еще сильнее стиснул меч — так, что побелели костяшки пальцев.

«Что сделано — то сделано. Мы идем одним путем, и не всегда праведным. Но Господь все видит, и каждый из нас в свой час ответит перед Ним за свои грехи...»

Дмитрий дошел до дружины, вскочил на коня.

Пора было возвращаться домой — он очень долго отсутствовал в родной Твери. Два долгих года провел в боях и походах...

И они еще сильнее закалили его, превратили в стального воина, который не боялся смерти. Слава о нем, Дмитрие Грозные Очи, уже летела по всей Руси, и многие князья покорились ему, уже признали старшим.

А самое главное, Азбьяк был уверен в его преданности.

Отъехав от сожженной Москвы, Дмитрий после недолгих раздумий повернул не на северо-запад, к Твери, а на восток — к Владимиру.

Он должен был встретиться с Митрополитом.

И великий князь верил, что на этот раз он убедит его перебраться в Тверь.

4–8 ноября 2018

Дмитрий Володихин

СЛИШКОМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

Опель застрял в километре от деревни. Лужа, огромная как плац гарнизонной гауптвахты, обступила машину со всех сторон. Впереди — топь, глубина. По бокам — хляби, не ведающие различия между водой и твердью. Позади — растворенная дорога, и по ней опель медленно-медленно пятился на сушу, пытаясь напугать грязевую стихию утробным рыком.

— Ханс, не выдержит.

Ханс прикусил губу, сощурил глаза. Ханс мертвой хваткой вцепился в баранку. Ханс не ответил.

— Не выдержит, камрад!

— Заткнись.

И славянская грязь отпустила хорошую, на совесть сработанную немецкую машину.

— Что теперь, Вилли? Где твой деревенский самогон?

Единственный пассажир задумался. Да, самогон — единственное, что здесь умеют делать, как надо. И у него был один-единственный шанс уговорить Ханса подвезти его в эту глушь. Но вот не добрались они чуть-чуть, какой конфуз!

С другой стороны, Ханс не увидит всего *этого*, а значит, никому ничего не расскажет. Так даже лучше. В сущности, Вилли приготовился терпеть насмешки. Деревенщина. Колхозник сиволапый! То, зачем он сюда приехал, стоит малой толики терпения.

— Полчаса туда, полчаса обратно. Час там. Полтора в худшем случае. Потерпи.

Водитель кивнул.

Вилли вышел из машины. Моментально озябнув, поднял воротник. Поморщился: надраенные юфтевые сапоги ушли в грязь по голенище. На черных форменных штанах повисли капельки коричневой жижи.

Он медленно побрел, выбирая места помельче. За плечами, в пустом ранце глухо тукала саперная лопатка.

— Эй! — крикнул ему в спину Ханс, — Эй!

— Что?

— Холодно. Вилли Васильев, литром ты не отделаешься.

— Не скули, будет тебе...

* * *

За взгорком открылась деревня. Минуло года три, как он был здесь последний раз. Когда закончил Истринское реальное училище для народов 4-го класса и поступил на службу в ландмахт. Приехал на побывку, за три дня разругался со всеми вдрызг... Его бесили тогда люди, слова, движения, предметы. Но больше всего — запахи. Куда ни сунься, всюду вонь. Отвык...

Старый пьяненький селянин в валенках и телогрейке, худой как жердь, отворит перед ним дверь. Шатнется, полезет с поцелуями. Старая некрасивая селянка в платке из ситчика с блеклыми разводами предложит ему щи с грибами. Селянка помоложе, простоволосая и распутная, попытается завлечь его к себе в постель. Полуживой пес, которому сто лет в обед, обнюхает его и поставит грязные лапы на штаны. Все предсказуемо и безобразно.

Пфуй!

Он прислушался к себе: вздрогнет ли хоть одна струнка в душе, отзовется ли на дымкий аромат осенней деревни, знакомый с детства? Нет, ничего. Прошлый раз он орал тут, как безумец, по одной причине: девушка показалась родной. Тогда еще она казалась родной. И собака. Невесть почему...

Нет. Три года прошло. Теперь он чужак в этом унылом краю.

И еще у него очень хорошая фельдфебельская форма, новенькая, прекрасная — по сравнению с любым одеянием, которое можно было бы тут увидеть. А на левом кармане красуется черный значок за ранение, полученное еще в первой кампании, когда они отбивали у китаёзы Читу.

Они и тогда-то не смогли понять Вилли, а ныне меж ним и местным мужичьем разверзлась пропасть.

Но кое-что в этих местах, пожалуй, стоит его терпения...

Стучать не понадобилось: дверь оказалась открыта. В темных сенях пованивало сушеными травками. Горница. Полосатые половики. Дедовские ходики тюк-да-тюк. Ветхий ситец отгораживает кухонный угол. На лавке сидит старый тощий селянин в телогрейке и валенках. Кожа дрябло побалтывается под подбородком. Полуседые-полуземлистые волосы худо расчесаны.

Ну, точно. Бросается с поцелуями. Прах побери, мундир провоняет... Вилли отворачивает лицо, боясь вдохнуть полной грудью самогонный перегар... но нет, старик сегодня трезв.

— Сынок! Ваня... Приехал! А мы и не чаяли. Прошлый раз... мы тебя... прости.

— Рад тебя видеть, папа.

— Маланья! Мать! Ванька приехал!

— Да вижу я, старый...

Мутер наскоро вытирает ладони старым тряпьем и тоже лезет целоваться.

— Сыночка... сыночка... Как я тебя жалею.

Его передернуло от мерзкого слова «жалею». Дрянь. Дрянь!

— Что же ты письма-то не написал, сына? Мы ж не готовились. Пусто всё, стола толком не накроешь.

— Я тут проездом, папа.

— Соседей позовем! Расскажешь...

— У меня один час.

Мутер картинно уронила руки.

— Да как же это? Не по-людски... Всего-то час!

— Служба, мама.

Сейчас же произошло худшее из возможного. Красное, не-красивое лицо мутер затряслось, покатались слезы. Дрянь! Вилли не знал, как ему избавиться от чувства омерзения. К счастью, на помощь пришел фатер.

— Не дребезжи, Маланья! Ну, тетеря, тихо. Радуйся — хоть час у тебя. Ши, вроде, остались?

— Ой! Да что ж это я... Как чумовая. Как беспамятная. Сейчас щец грибных. И огурчика. И чаек скипячу, сахарину, правда, нет.

— Ничего, мама. Не беда.

Фатер заговорщицки подмигнул ему.

— Стара! Ты это... того.

— Чего?

— Ну... непонятливая стала.

— Да без сопливых знаю.

Бутыль самогона моментально очутилась на столе.

Очень не хотелось просить их даже о малой малости, но придется. Иначе Ханс поедом съест.

— Папа... а... с собой?

Фатер заулыбался: хоть чем-то он еще нужен сыну, счастье какое! Глупцы. Если бы не требовалось оплатить счет Хансу, он бы и на минуту не зашел. Сразу отправился бы *к тому месту*.

— Найдется, сына. Мать! И грибов ему сушеных дай. Поболе. Уродилось нынче...

— Да не надо мне, папа.

— Дай ему, дай, слышь, стара!

— Чай сама соображу.

— Ну вот и ладно.

Он зачерпнул горячих щей глиняной ложкой. Откусил хлеба. До чего дрянной хлеб! С чем они его тут мешают? С корой?

— Михалыч, глянь какой красавец у нас. Какой мужик вымахал! двадцать годков, а плечищи-то, плечищи!

— Да-а... Ванька, ты на войне-то бывал? С китаёзой-то?

— Был, папа.

— Ну и как оно там?

Хоть какая-то частичка есть в фатере от человека. От воина. Ничего не знает, ничего не понимает, а вопрос умеет задать верный. Вилли опрокинул стопку и ответил спокойно:

— На войне — война, папа. Мы сильнее, мы победим. Сломаем их волю. Только вот какое дело, папа. Потребова-

лось поменять имя. Отныне следует называть меня Вильгельмом.

Старик оторопел. И видно было: хочется ему заспорить, выдать сынку по первое число. Но лицо его, на мгновение закаменевшее, скоро отмякло. Сын приехал. Хоть Ванька, хоть Вильгельм, может, больше и увидеть-то его не придется. Не надо. Нет. Не станем ругаться.

Вилли ненавидел фатера за слабость. Еще и за слабость. Впрочем, это уже не имеет никакого значения.

— Ванюша, не ранили тебя там? А? Не ранили, нет? Ты не лез бы в самую гущу, зачем оно нам?

Дрянь! И ведь не переменишь никакой силой. Славянская самка, дура, бестолочь.

— Ерунда, мама.

Он показал бы ей «Ванюшу»! И разъяснил бы, кому это «нам» не требуется беспощадно жестокая борьба с желтой угрозой. Но... какой смысл!

Фатер, поев, бормотнул слова молитвы и перекрестился на красный угол. Пожалуй, стоит им объяснить, какие неприятности ждут людей, по старой скотской привычке молящихся чуждым Рейху богам. Но опять-таки — зачем? К чему их жалеть? Ходят тысячу лет на очко над выгребной ямой и еще тысячу лет будут ходить, дурная кровь.

Врожденная низость. Вот почему у немцев есть Дюрер, Гёте, Фридрих Великий, Бисмарк и Вагнер, у англичан — Шекспир, у французов — Бодлер, а в славянской истории ничего, кроме пустоши, кроме заросшего буйной травой ровного места, нет. Ни единого большого политика, ни единого великого полководца, ни единого сильного литератора. Дыра! Прореха на человечестве. Весь народ — сверху донизу — рабы. Бездарнее только цыгане и евреи. С кровью не поспоришь.

Стукнула дверь.

— А вот и Катюша! Молодец, что пришла. Садись, я тебе чайку налью.

— Маланья Петровна, мне мальчишки рассказали, вот мол, у Васильевых сын приехал.

Она не смотрела на Вилли. На стол. На оконные занавески. На печь. Только не на него. Вилли понял: когда расплакалась мутер и он подумал, что случилось худшее из возможного, эта была большая ошибка. Худшее явилось минуту назад.

— Михалыч, давай-ка, подмогни мне в сенах.

— Чегой-то?

— Давай, говорю, с погребца тяжесь подымешь.

— А. Ну как же...

Оба они, едва сдерживая улыбки, вышли из горницы.

Вот она, самая беда. Ох, как ему хотелось избежать объяснений... Не судьба.

— Я вам пишу, чего же боле...

Восемь безответных писем.

Катя хлопнула ресницами раз, другой и осмелилась посмотреть на него. Вилли отвел взгляд. Говорить, по большому счету, не о чем. Лишний разговор.

— Я ждала тебя, Ваня.

Три года назад он еще переписывался с Катей. Подумать только! какие-то сентименты по отношению к невежественной деревенской красотке, пропахшей потом и навозом на всю жизнь, до гробовой доски. Правда, она была очень хороша. Какая коса у нее! А какая кожа! Просто чудо, как нищая, грязная, тупая деревня еще может производить на свет подобных красавиц. К тому же, Катя была умна. Если бы славянским женщинам позволялось ходить в школу, из нее запросто получился бы врач или учитель. Или... да не важно. Катя — лучшее из всего, что здесь есть. Кроме самогона, разумеется.

Вилли вспомнил — не почувствовал, нет, через стол он не мог этого почувствовать, — а именно вспомнил запах ее волос.

— Между нами не может быть ничего общего. Запомни раз и навсегда.

— Ваня...

— Теперь меня зовут Вильгельм.

Ну. Слезы. Обвинения во всех грехах. Оскорбления. Завывания. Пощечины. Ну. Выдай по полной!

Катя отставила чай и молча поднялась. Сделала несколько шагов и лишь у двери, обернувшись, сказала:

— Вильгельма я не знаю.

Она выскочила наружу. Фатер и мутер явились в горницу с одинаково белыми лицами.

— Сыночка... Катя-то... мы... как ошпаренная...

Вилли сделалось противно. Довесок кошмара, пфуй. Фатер взял мутер за руку, пытаясь успокоить. Но мутер не успокаивалась.

— Сыночка... как же вы... промеж вами...

— Маланья, будет, будет. Потом поговорим.

Фатер поставил перед ним две бутылки самогона и положил на стол связки грибов.

— Больше и дать-то нечего, сынок. Живем бедно.

Намекает? Определенно. Не дождется.

— Всё! Мне пора, папа.

Они не понимают. Они думают: «Мы всей семьей собирали деньги, чтобы отправить его в реальное училище. Теперь он поможет нам. Теперь он вытащит нас». И не понимают ни-че-го. А ему хватило одного взгляда — тогда, четыре года назад, в 2007-м. «Союз молодых помощников» заразил всех славной идеей: учащимся бесплатно поработать на строительстве мемориала великому Отто Кумму. Ведь это именно он, в декабре 41-го всего-навсего оберштурмбаннфюрер СС и командир мотопехотного полка СС «Фюрер», совершил знаменитый прорыв от Истринского водохранилища к центру Москвы. Именно он первым въехал на мотоцикле в Кремль! Старику отправили письмо. Кумм был растроган и специально приехал из Оффенбурга — поговорить с юными варварами из народа 4-го класса. Чуть ли не самая светлая личность Рейха, железный дракон дивизии «Лейбштандарт» и... к ним... за просто... как обычный смертный! Училище встретило его цветами. Четыреста мальчиков собралось в актовом зале для торжественной беседы.

Господин Кумм оказался дряхлым старцем. Он шатался, опираясь на палочку при ходьбе, голова его тряслась. Слу-

чайно задев ладонью дежурного, Отто Кумм достал платочек, чтобы вытереть руку, но уронил палку и чуть не упал. Никто не осмелился прикоснуться к нему, а сам он едва сумел восстановить равновесие. Но когда рейхсмаршал вышел на сцену и подошел к микрофону, вся его дряхлость улетучилась. Голова перестала трястись. Старческие глаза, обесцвеченные временем, глянули грозно, уверенно. Этот дедушка когда-то водил в бой танковые армады и приобрел от бронированных машин несокрушимую прочность конструкции.

— Вы знаете свой потолок. Вы — дурная кровь, а потому можете подняться не выше уровня слуг 1-го класса. Но вашим детям позволят совокупляться с представителями некоторых полноценных народов... — сказал он. — Кроме того, они получают пропуск на свободный проезд в Варшаву, Прагу, Гельсингфорс и даже Будапешт. Не забывайте: ваши сыновья смогут в полной мере оценить, что такое истинная цивилизованность, а ваши внуки получают шанс превратиться в людей. Никогда ни один ваш предок не имел такой возможности. Даже мечтать-то не мог. А вашим внукам дорога в Европу открыта. Все зависит от вас. От вашей воли. От вашей силы. Я дам вам один совет, запомните его хорошенько: главный ваш враг — собственная слабость, порожденная дурной кровью, текущей по артериям и венам; следует сокрушить в собственной душе любые ростки слабости, любые ростки духовной гнили. Превращая себя в человека, следует уничтожить все слишком человеческое!

Это было в марте 2007-го.

А несколько дней спустя в училище пришла новость: Отто Кумм скончался у себя дома. Выходит... он пожелал отдать финальный долг освободителя освобожденным, и потратил на это последние жизненные силы. Вот это — настоящий человек. Таким стоит быть.

Те несколько слов и особенный взгляд Отто Кумма переменили всю жизнь Вилли. Он научился тому, чему прежде никто выучить его не мог.

...Ему не стоило хлопать дверью. В подобного рода ситуациях полноценному человеку приличествует ледяное спокойствие. О сиволапых не стоит марать разум.

Древний барбос, едва волоча лапы, медленно одолевает ступеньки крыльца. Ни зрение, ни слух у него не работали еще три года назад, жизнь едва теплится в тщедушном теле. Остался нюх. Какая же кличка у барбоса? Может, Барбос? Вилли не помнил. Сейчас обнюхает, лизнет руку, взденет лапы... Предсказуемо и безобразно.

Пес подвигал ноздрями, грустно посмотрел на Вилли и... преобразился. С нервным взвизгом он подпрыгнул и вцепился зубами в руку. Вилли еще не успел осознать, что произошло, а барбос, проявив отнюдь не старческую прыть, скрылся под крыльцом. Больно. У паршивой скотины и зубов-то не должно было остаться!

Спрыгнув на землю, Вилли попытался достать кабысдоха сапогом, но хитрая псина забила под избу и оттуда вызывающе ворчала, понимая, должно быть, нехитрым собачьим умом: человечище ее не достанет, а на честный бой выходить — себе дороже. Пришлось отступить. Дрянная тварь! Кровь выступила в двух местах.

Аллес! Больше сюда ни ногой. Никогда.

Теперь он готов сделать дело, за которыми приехал.

...Почти заросшая тропинка вяжет петли между серой травой и серой травой. Избы уходят дальше и дальше. Вот он, старый колодец, давно заброшенный, поросший чудовищных размеров опятами. Черный сруб потерял одно бревно, выпавшее наружу, и другое, рухнувшее внутрь. Все сгнило.

Вилли снимает с плеч ранец, достает саперную лопатку и выбрасывает вон глупые связки сушеных боровиков. К дурости сельской жизни он не желает быть причастным даже краешком, даже маленьким крючочком души, зацепившимся за харч или за юбку.

Сырая глинистая почва отлетает крупными комьями. Дьявол! Запачкал рукав...

Металл звякает о металл. Вот и крышка... Совсем неглубоко, видно, Катя недавно залезала сюда. Когда-то, миллион

лет назад, они сделали тайник: вкопали под журавлем большой никелированный бак и положили туда драгоценный сверток. Который... на месте.

Ветхая материя расползалась под пальцами. Впрочем, эта дрань больше не понадобится. Сколько их тут было? Две? Три?

Четыре книги. Превосходно. За первые две его сделают абшнитфюрером. Третью он сумеет обменять на бронзовый значок «За отличие по службе для народов 4-го класса». Ну а последняя... последняя... если все обставить серьезно... может принести перевод в слуги 1-го уровня.

Вилли бросил взгляд на обложки. Глазам больно от нелепой славянской вязи! Когда-то он неплохо читал на этом языке. Теперь... теперь... ничего и не вспомнить. «Бэ» это или «вэ»? А это как... как... «ч», «ш» или «щ»? Хаотичный, варварский, лишний язык. Пушкин... стихи... наверное, какой-нибудь сталинист воспевает прелести колхозного рабства. Достояю... Достозук... укский... непроизносимая славянская фамилия. Лермонтов. О! Хорошая, европейская фамилия. Культурная. Перевели кого-то из цивилизованных поэтов? Умели они переводить или нет? Какая разница... Блок. Жид. Вытравить. Только так!

Папер-костры сейчас зажигают редко. Книжек на лишних языках почти не осталось — повыбрали за семьдесят-то лет. Тем выше цена тому, что сыщут неутомимые следопыты. Он представил себе значок «За отличие...» на парадной форме. Не Железный крест и не боевая медаль, но с чего-то надо начинать...

Вилли встал. Теперь ему здесь ничего не нужно. А ведь, пожалуй, Катя будет плакать. Сегодня он лишил ее пустых мечтаний о семейной жизни с человеком более высокого положения. А потом отобрал то единственное, что отличало Катю от всего стада сельских арбайтеров. Красота ее лет через пять или семь поблекнет от дурной пищи и обилия тяжелой работы. А фальшивая культурность исчезнет, не находя подпитки в славянских книжках. Он оставил ее ни с чем. Выжал досуха.

Перед глазами встало ее заплаканное лицо.

Не хочется причинять ей боль. Это... неприятно. Это... нехорошо. Почему так вышло?

Вилли отвесил сам себе пощечину. Неприятно? Нехорошо? Проклятая слабая кровь! Словно ржавчина точит она любой металл, повсюду проникнет! Больше никогда, ни при каких обстоятельствах не следует размышлять об этой женщине. Следует забыть ее имя.

— Человеческое, — произнес он негромко, — Слишком человеческое. Подлежит уничтожению.